

Он лучше всех знал, каков Цинь Бугуй: холодный, своевольный, равнодушный ко всему. Полная противоположность мягкому и доброму Лоу И. Один — чистейшая белизна, которую легко запачкать и ранить. Другой — словно всепоглощающая чернота, крайность, что подобна пустоте.

Как человек с таким нравом мог вдруг...

В голове Лоу И блеснула догадка, и он с изумлением воскликнул:

— Неужели ты тоже?..

Цинь Бугуй промолчал, и Лоу И ещё больше утвердился в своём предположении. На внутреннем плане он запрыгал от радости, не в силах сдержать восторг.

— Бай Цяньюй полюбил «меня» из-за тебя, — сказал он.

В его словах не было ни тени ревности ко второй личности, ни желания единолично завладеть Бай Цяньюем.

Да, Лоу И оказался в такой ситуации именно потому, что смотрел на людей сквозь розовые очки доброты и потому зашёл так далеко.

Если уж к другим он относился так, то как мог иначе относиться к Цинь Бугую, который всей душой был на его стороне и защищал его?

— Я бесконечно благодарен тебе за всё, что ты сделал. Иначе откуда бы взяться этому счастью, что я сейчас чувствую?

Днём отец Бай Цяньюя говорил: не стоит из-за пережитых ран отрекаться от доброты, опускаться до уровня тех негодяев... Лоу И всей душой ненавидел тех, кто прибегает к насилию и теряет человеческий облик. Как мог он сам стать таким? Только что получив помощь благодетеля, разве стал бы он тут же предавать его из-за помех своему счастью или пытаться захватить тело, чтобы Цинь Бугуй исчез?

Когда профессор и другие боялись, что Лоу И отнимет всё, что Цинь Бугуй создал для него, и отвернётся, Лоу И сказал от всего сердца:

— Я бесконечно благодарен тебе.

Окажись в теле Лоу И и переживи он всё то же самое другой человек — возможно, злые духи внутри пробудились бы от этих вновь пережитых мук, пробудив ненависть, которая обрушилась бы на всех вокруг, даже на «самого себя».

Всё, связанное с ним, погрузилось бы в ту боль, что он когда-то испытывал. Ненависть росла бы, выплёскиваясь без контроля на окружающих.

Но сейчас в сердце Лоу И была лишь благодарность. Да и днём Мир Луна-парка не рухнул, не стал зловещим и опасным. Свет был ярок, атмосфера радостна — можно было подумать, что это и есть реальный мир.

Цинь Бугуй, чувствуя эмоции Лоу И и вспоминая, что после сегодняшних событий тот больше не рисовал жутких картин, убедился: психическое состояние улучшилось. Можно было успокоиться.

Глубокой ночью, под высокой луной, Цинь Бугуй незаметно для себя уснул. Рядом, даже во сне, с улыбкой на губах лежал Бай Ян.

Они погрузились в сон и встретились в грёзах.

Снова знакомая клетка. Снова те же жертвы, что видели уже дважды.

Лев, давно покинувший место лагеря, бушевал и кричал. Увидев Цинь Бугуя, его ненависть вспыхнула с новой силой. День в полиции выдался тяжким — такого унижения он не испытывал за всю жизнь! Классный руководитель рядом был ещё мрачнее, он злобно уставился на Цинь Бугуя и Бай Яна, но сил заботиться о Ли Чжужане у него уже не оставалось.

Поздоровавшись с Моцзе и доктором Гао в соседней клетке, они наблюдали, как абсурдная, искажённая арена погружается в хаос с появлением «исполнителей». Гипсовый ведущий с пафосом произнёс леденящую душу вступительную речь, и снова зажглись лучи света, символы смерти.

Цинь Бугуй, опустив взгляд, размышлял: «Неужели в глубине души Лоу И всё ещё таится обида?» Подсознательно он был уверен, что луч света никогда не упадёт на него или Бай Цяньюя.

И вдруг перед глазами вспыхнула яркая вспышка. Ощущение, будто в темноте над головой зажёгся прожектор, заполнило всё зрение.

Цинь Бугуй с удивлением поднял брови, огляделся и действительно увидел у своих ног белый круг света.

Бай Ян резко схватил его за руку. Цинь Бугуй обернулся, чтобы сказать «всё в порядке, не волнуйся», но увидел: Бай Ян тоже был бледен. Вернее, всё его тело светилось белым.

...Бай Яна тоже выбрали.

Лицо Цинь Бугуя тут же потемнело. В глазах собрался гневный холод, он окинул взглядом всё вокруг, особенно быстро меняющуюся сцену на арене.

Но перед ним был лишь белый свет. Все в клетке оказались под его лучами, растерянные.

Цинь Бугуй: «...»

Что ж. Никого не пощадили.

Авторское примечание: Лоу И: «Я провожаю тебя за пределы клетки ~ ты бледен ~»

Остальные: «Спасибо, не надо.»

Древняя кровавая арена, испещрённая грязью и запёкшейся кровью. Зрители в школьной форме, скрывающиеся за масками, ликовали, приветствуя начало «Игры в травлю».

Цинь Бугуй, уже почти полностью разобравшийся в устройстве этой сцены, стоял на огромной площадке, лицом к лицу с надвигающейся угрозой. В руках у него был лишь ластик, который мог служить оружием.

В этом была своя логика. Жертвы издевательств терпят их долго не только из-за собственной слабости. Равнодушные учителей, одноклассников, родителей — все они несут свою долю вины.

Именно потому, что жертва остаётся один на один с бедой, всё заходит так далеко.

Цинь Бугуй, глядя на арену перед собой и на появляющихся монстров, велел доктору Гао, Бай Яну и остальным собраться рядом.

Четверо встали спиной друг к другу, готовые к атаке с любой стороны. И вдруг с верхних рядов зрителей донёлся слегка знакомый голос.

— Не сдавайся!

Голос обрёл плоть — словно белый пузырь из комикса, он подлетел и опустился к их ногам.

— Я с тобой!

Ещё один пузырь прилетел и лёг поверх первого.

— Ты в порядке?

Пузырь превратился в перо и медленно прикрепился к их лопаткам.

— Прости, что раньше не замечал твоей боли!

Крыло мгновенно выросло у них за спиной. Бай Ян, отбивая атаку свирепого монстра, с удивлением пробормотал:

— Что-то знакомое...

Доктор Гао:

— ...Это я вчера говорил.

Моцзе:

— И сегодня, когда ты этих типов крыл.

Слова «Ты, подонок, как смеешь травить моего одноклассника?» вылетели и снова приподняли площадку под их ногами, подняв их ещё выше и дальше от монстров, рвущихся снизу.

Теперь всё стало ясно. Доктор Гао изумлённо произнёс:

— Эти зрители... нет, одноклассники? Они поддерживают нас?

Их слова превращались в силу, становились опорой для жертв, помогали им подняться над жестокой ареной, подальше от свирепых чудовищ?!

Доктор Гао был тронут:

— Надо бы их поблагодарить...

Моцзе, смеясь и отбивая атаки монстров, рвущихся на площадку, сказал:

— Себя благодари! Не скажи ты днем тех слов — они бы не помогли.

И уверенно добавил:

— Эти зрители — это мы сами!

Все — наблюдатели. И все могут стать жертвами. Равнодушно взираешь на чужие страдания — и когда беда придёт к тебе, никто руку не протянет.

Всё имеет причину и следствие.

По мере того как площадка поднималась, Моцзе уже не мог наклониться, чтобы бить монстров внизу. Они сидели высоко в безопасности, наблюдая за хаосом внизу. Многие зрители стреляли ядовитыми стрелами в Льва и других, нанося им раны. Стрелы, летящие в сторону Цинь Бугуя и его товарищей, не долетали и падали вниз.

Доктор Гао уже было взмахнул крылом, чтобы увернуться, но, увидев это, с недоумением спросил:

— По прямой мы ближе, нас легче поразить.

Цинь Бугуй ответил:

— Зрители не вступают в бой. Влиять они могут лишь словами и отношением.

<http://bllate.org/book/16254/1462530>